ПИНЧУК ЕВГЕНИЙ

ЛИФТ НА МИНУС ПЕРВЫЙ

СТРАШИЛКА НАШЕГО ДВОРА
КНИГА 2

Евгений Пинчук

Лифт на минус первый

https://litres.ru/74743147
SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, октябрь 1986 года. После развода родителей пятнадцатилетняя Лена переезжает с матерью в девятиэтажку у Каширского шоссе. У неё наконец появляется своя комната. В первый же вечер лифт увозит её ниже первого этажа.

За дверями кабины тянется жилой коридор. Пахнет ужином, играет радио, незнакомая женщина зовёт Лену по имени. Напротив стоит дверь с номером их новой квартиры. Здесь их давно ждут.

Утром на кухне появляется разбитая накануне супница. Из комнат начинают исчезать вещи, стены придвигаются ближе. Соседская девочка знает, куда всё пропадает, но о своей комнате внизу говорить не хочет. А потом Лена слышит из отключённого лифта голос матери.

Чтобы вернуть её, придётся спуститься туда, где за каждой дверью можно найти дом, о котором мечтал. И услышать, как самые близкие просят остаться.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 14
Глава 5 17
Глава 6 20
Глава 7 23
Глава 8 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Евгений Пинчук
Лифт на минус первый

Пинчук Евгений
Страшилка нашего двора
Книга 2
Лифт на минус первый
Повесть
Москва 1986 год

Глава 1

Квартира двадцать семь

В пятницу, в день переезда, мама разбила супницу. Коробка выскользнула у неё из рук на седьмом этаже, и по лестнице покатились белые черепки с голубыми цветами. Супницу подарила бабушка на свадьбу. Мы никогда ею не пользовались, но при каждом переезде мама заворачивала крышку отдельно и несла сама. Теперь крышка лежала в газете целая, а от самой супницы осталась ручка и глубокий осколок с куском цветка.

Мама села на ступеньку. Я поставила сумку, прислонила к стене свёрнутый ковёр и начала подбирать черепки. Два грузчика стояли у лифта, придерживая диван. Один покашлял и спросил, куда заносить. Мама показала на открытую дверь, не поднимая головы. Я понимала, что надо её обнять, сказать что-нибудь про посуду, которую можно купить, но у меня болела спина и хотелось, чтобы этот день скорее закончился.

Отец не приехал. Обещал помочь с мебелью, потом позвонил и сказал, что машину на работе не дали. По голосу было слышно: он звонит из своей новой квартиры. На заднем плане играло радио, женщина попросила его подвинуть стол. Отец прикрыл трубку ладонью, но я всё равно услы-

шала. Мама сказала, что справимся сами, и повесила трубку раньше, чем он успел попрощаться.

Нам дали двушку в девятиэтажке у Каширского шоссе. Мама работала технологом на заводе, комнату в коммуналке мы освободили по обмену. Пока оформляли бумаги, я успела представить новую квартиру раз двадцать. Главное, у меня наконец появится дверь, которую разрешат закрывать. На деле моя комната оказалась узкой, с окном на железнодорожную насыпь. Обои возле батареи потемнели. На потолке над кроватью тянулся след от протечки, похожий на грязный рукав.

В комнате пахло чужим табаком. Прежние жильцы сняли карниз, но оставили в стенах гвозди и пружину для дверного замка. На кухне под раковиной лежала засохшая луковица. Мама завернула её в газету вместе с черепками. Я вытащила у неё из рук свёрток и отнесла к мусоропроводу, пока она не начала собирать супницу обратно.

Возле шахты стоял мальчик в чёрной куртке. Волосы у него доходили до воротника, на ремне висел ключ, обмотанный красной изолентой. Мальчик держал отвёртку и возился с кнопкой лифта. Увидев меня, спрятал инструмент в карман.

- Мы ничего не сломали, - сказала я заранее. - Он сам дёргается.

- Он давно дёргается. Вы в двадцать седьмую?

Я кивнула. Мальчик представился Маратом и показал на

двадцать восьмую. Из-за его двери пахло жареным луком. Внутри кто-то слушал новости. Марат посмотрел на свёрток в моих руках и предложил пакет: газета уже промокла от мокрых тряпок, которые мама сложила туда же. Я отказалась.

- Ночью не езди, пока не отладят, - сказал он. - Днём ещё ничего. Кнопка залипает, потом остановить трудно.

- А ты его отлаживаешь?

- Дед. Я просто лампочку менял.

Дверь лифта открылась за его спиной. Внутри никого не было. В дальнем углу на полу стояла кастрюля, закрытая крышкой. От неё поднимался пар. Марат нахмурился, посмотрел вверх на тросы за потолочной решёткой и нажал кнопку первого этажа. Двери сомкнулись.

Я выбросила свёрток и вернулась домой. Мама уже расставляла чашки на кухне. На подоконнике лежала целая крышка супницы. Я предложила убрать её в шкаф, но мама сказала, что пока пусть полежит. Она стояла спиной ко мне и резала хлеб тупым ножом прежних жильцов. Плечи у неё вздрагивали. Я вышла в свою комнату и впервые закрыла дверь, о которой так долго мечтала.

Глава 2

Ниже первого

К вечеру осталась одна коробка, в грузовике. Её забыли у переднего борта и обнаружили только в гараже. Водитель вернулся после девяти, позвонил снизу и попросил спуститься: поднимать снова не станет, рабочий день кончился. Мама спала на диване, не разобрав его. Я вытащила из-под неё край пальто, которым она укрылась, и пошла сама.

Коробка оказалась лёгкой. В ней лежали мамины выкройки, шерстяные лоскуты и маленькая швейная машинка, которую можно было крутить рукой. На улице пахло мокрыми листьями и дымом от котельной. Был октябрь восемьдесят шестого, наш первый вечер в новом доме. Я постояла под козырьком подъезда, глядя, как грузовик выезжает со двора, и пожалела, что не попросилась с водителем в прежний район. Там хотя бы дорогу до булочной не приходилось искать.

В подъезде горела одна лампа на два пролёта. Я могла бы подняться пешком, но коробка не помещалась под мышку, а ноги за день гудели. Лифт пришёл сразу. Кастрюли в нём уже не было. На полу темнело круглое пятно. Я вошла, поставила коробку и нажала семь.

Кабина дёрнулась и пошла вниз. Кнопка не загорелась. Я нажала ещё раз, потом первую, потом вызов диспетчера.

Из решётки донёсся шорох. Стены чуть качнулись, лампочка потускнела. Движение продолжалось слишком долго: от первого этажа вниз в нашем доме идти было некуда.

Я держалась за поручень. Под подошвами чувствовалось ровное гудение, как над работающим холодильником. Двери открылись, когда я уже собиралась кричать. За ними был жилой коридор, освещённый низкими плафонами. Свет тёплый, жёлтый. На стене висело зеркало в деревянной раме, под ним коврик, на коврике стояли две пары домашних тапочек.

Я не вышла. Дотянулась до кнопки с двумя стрелками, но её не оказалось. В нашем лифте двери всегда закрывались сами, я вспомнила это только сейчас. В коридоре заиграла музыка, старый медленный вальс. Ближайшая дверь приоткрылась, показалась женщина в вязаной кофте. Седые волосы она заколола двумя чёрными гребнями.

- Леночка? - спросила она. - Наконец-то. Мы вас ещё днём ждали.

Я вжалась в угол. Женщина улыбнулась, посмотрела на коробку и придержала дверь локтем. За её спиной виднелась кухня. На плите кипел чайник, над столом сушились полотенца. Мне стало легче: наверное, у лифта сбилась нумерация, и он увёз меня в соседний подъезд через какой-то технический переход.

- Мне на седьмой, - сказала я. - Я переехала сегодня.

- Я знаю. Ты из двадцать седьмой. А это ваша, напротив.

Она показала за моё плечо. Я обернулась и увидела дверь с номером 27. Точно такую же, как наша: коричневый дерматин, гвоздики по диагонали, царапина возле ручки. Только снизу никто не подрезал обивку, и она не болталась рваным языком.

- Мама наверху, - сказала я.

Женщина перестала улыбаться. Посмотрела на коробку и спросила, не тяжело ли. Я подняла её обеими руками, хотя ещё минуту назад она казалась почти пустой. Лифт за спиной начал закрываться. Я успела ударить по двери локтем и протиснуться внутрь. Коробка задела стену, из неё выпал лоскут красной ткани. Женщина наклонилась подобрать.

- Зинаида Павловна меня зовут, - сказала она. - Маме передай, что мы ей место сохранили.

Двери сомкнулись. На этот раз семёрка загорелась сразу. Я поднялась домой и долго стояла у замка, проверяя, входит ли ключ. Из квартиры доносилось мамино дыхание. В коробке, там, где выпал лоскут, лежал маленький ключ с круглой головкой. На нём была привязана бумажная бирка: «27. Нижняя».

Глава 3

Утро в новой квартире

Мама проснулась от моего рассказа. Села на диване, долго не могла понять, где находится, потом взяла ключ и повертела у лампы. Бирка намокла от моей ладони. Цифры расплылись, но слово читалось. Мама сказала, что прежние жильцы оставили запасной, а номер квартиры написали для порядка.

- Кто написал? Я только что оттуда.

- Лена, тебя в подвале не могло быть. Подвал замурован со двора. Я сама видела.

Она сказала это устало, без раздражения. Я могла продолжать спорить, но знала, чем кончится: мама расскажет, сколько сегодня таскала, сколько ещё нужно заплатить грузчикам и почему мне нельзя пугать её хотя бы вечером. Я положила ключ на кухонный подоконник, рядом с крышкой супницы. Мама легла обратно и попросила утром поставить чайник.

Ночью мне снилась нижняя квартира. Я ходила по коридору, пытаясь найти собственную комнату, но двери открывались только в кухни. На каждой горела плита. У каждого стола стояла мама, спиной ко мне. Я звала её и всякий раз слышала, как на соседней кухне открывают воду. Проснувшись, я обнаружила, что руки у меня пахнут газом.

Утром мама нашла в кухне супницу. Она стояла под столом, целая, с голубыми цветами. Крышка лежала там, где мы её оставили. Мама подняла супницу, провела пальцем по ручке и спросила, зачем я спрятала её под стол. Я сказала, что выносила черепки. Она нахмурилась, но спорить не стала: выходила на работу и опаздывала на автобус.

Я перевернула супницу. На донышке возле клейма тянулась коричневая полоска, похожая на старую трещину. У нашей такой не было. Я помнила: ещё летом сама мыла её после протечки шкафа. Провела ногтем по полоске, и оттуда вышла капля тёплой жидкости. Пахла она тем же, чем пахли мои руки после сна.

Когда мама ушла, я вынесла супницу на лестницу. Поставила у мусоропровода и отошла к окну. Лифт поднялся без вызова. Двери открылись. Внутри на полу лежал красный лоскут, который вчера подобрала женщина. Супница дрогнула у моих ног и медленно повернулась ручкой к кабине. Я схватила её, не дав покатиться, и увидела на донышке свежую царапину. Полоска расширялась.

Из двадцать восьмой вышел пожилой мужчина с сумкой инструментов. Он остановился, посмотрел на супницу и сказал:

- В лифт не ставь. Пешком отнеси.

Я спросила, почему. Мужчина не ответил сразу. Снял очки, протёр воротом рубашки и снова посмотрел внутрь кабины.

- Поймёшь потом, что потеряла, поздно искать будет.

Из квартиры позвал Марат. Мужчина повернулся на голос, и я поняла, что это его дед. Он шагнул к лифту, нажал на стене кнопку вызова, потом отжал дверную створку и посмотрел вниз. Я ждала, что сейчас он увидит нижний коридор. Под кабиной было темно, пахло машинным маслом.

- Ты ночью ездила? - спросил он, не оборачиваясь.

Я кивнула. Мужчина закрыл двери и вытащил из кармана связку ключей. В отличие от ключа на подоконнике, эти были тяжёлые, длинные, с квадратными головками. Он взялся за поручень и поднялся на лестницу, ведущую к машинному помещению. На седьмом этаже вдруг стало очень тихо. Даже у мусоропровода перестало гудеть.

Глава 4

Марат и Даша

В новой школе меня посадили у окна, перед девочкой с перевязанным пальцем. Девочка спросила, есть ли у меня ластик, потом фамилию. Её звали Даша. Она жила в нашем доме, на четвёртом этаже, и сразу предложила идти после уроков вместе. По дороге выяснилось, что она знала всех соседей, торговцев в ближайшем магазине и женщину, которая тайком держала в ванной енота. Про лифт Даша сказала, что он старый и застревает, особенно когда в кабину набивается много народу.

- А ниже первого бывает?

Даша остановилась. Мы стояли на переходе, возле лужи с плавающими листьями. За нами фыркнул автобус. Она подождала, пока он проедет, и спросила, кто мне рассказал. Я ответила, что сама видела. Даша посмотрела на мою школьную сумку и предложила зайти к ней: у неё после уроков никого не было.

В квартире пахло жареными семечками и мокрым бельём. В маленькой комнате стояли три кровати, на средней спал мальчик лет шести. Даша попросила говорить тихо. Младший брат после круглосуточной группы в детском саду дома плохо спал по ночам, мать отсыпалась у соседки перед

ночным дежурством. Даша вскипятила воду в алюминиевой кружке и поставила передо мной блюдце с двумя печеньями.

- Там не обязательно страшно, - сказала она. - Сначала нормально. Даже лучше.

Я рассказала про супницу. Даша слушала, глядя на дверцу шкафа. На ней висели вырезанные из журналов фотографии певиц, но все лица закрывали выцветшие солнечные пятна. Даша объяснила, что нижний этаж появляется, когда кому-нибудь очень нужно домой. Он может показать квартиру, в которой ты раньше жил, или такую, о которой мечтал. Иногда дарит вещи. Брать можно, но потом чего-нибудь недосчитаешься наверху.

- Ты давно знаешь?

- С лета.

- И маме говорила?

Даша посмотрела на брата, потом на закрытую дверь. Я поняла, что нет, и не стала переспрашивать. Возле её кровати стояла узкая книжная полка. Нижняя доска была новая, почти белая, а остальные тёмные. Даша поймала мой взгляд и прикрыла полку ногой.

Домой я поднялась пешком. На седьмом меня ждал Марат. Он сидел на подоконнике, разложив на коленях кассеты. Возле батареи сушилась его чёрная куртка. Из двадцать восьмой доносился голос деда, разговаривавшего по телефону. Мужчину звали Валентин Петрович. Он раньше обслуживал лифты, а теперь иногда помогал диспетчеру, когда

штатного механика не могли найти.

- Дед сказал, ты каталась вниз, - сообщил Марат. - В ту часть.

- Значит, он тоже знает.

- Он лифт утром отключил. Пока механик не приедет, не включат.

Я рассказала про Дашу. Марат опустил кассету, которую собирался показать, и спросил, что она обещала. Я ответила, что ничего. Он посоветовал проверять вещи, которые она даёт, и объяснил: в сентябре Даша принесла ему редкую запись. Кассета оказалась чистой. Зато на следующий день из коробки исчезла другая, которую ему привёз старший брат. На подаренной ленте появилась именно та запись, до последней помехи.

Мы сидели на лестнице, пока не вернулась мама. Она держала тяжёлую авоську и удивилась, увидев меня с соседским мальчиком. Марат помог донести продукты до кухни. Мама поблагодарила и сразу спросила, не знает ли он, где здесь ремонтируют мебель. Из кресла исчезла подушка, без неё сидеть было нельзя.

Я заглянула в комнату. На кресле лежал красный лоскут. Он был слишком маленький, чтобы закрыть пустое место, но кто-то старательно расправил его и подоткнул по краям.

Глава 5

Комната Зинаиды Павловны

Лифт действительно отключили. На первом этаже повесили бумагу, написанную фиолетовым карандашом: «Ремонт. Пользоваться запрещено». Двери остались закрытыми. Мама каждый вечер поднималась с сумками и ругалась, что машину вечно ломают как раз к нашему приезду. В комнате становилось холоднее. Из кресла сначала исчезла подушка, потом пропал кусок обивки на подлокотнике. Под тканью оказались мокрые опилки.

Я показала Марату ключ. Он взял его через носовой платок, как вещь из больницы, и понёс деду. Валентин Петрович работал за кухонным столом. Перед ним лежал металлический блок с мелкими контактами, возле сахарницы стояла бутылка с растворителем. Он велел открыть форточку и только после этого посмотрел на ключ.

- Куда положила, когда принесла?

- На подоконник. На кухне.

- Возле чего?

Я сказала про супницу. Валентин Петрович отложил отвёртку и попросил принести крышку. Мы сходили за ней. Когда вернулись, ключ уже лежал в стеклянной банке, сверху была навинчена крышка. На стенках изнутри выступил пар.

Валентин Петрович поглядел на него и поднялся за планом дома.

Подвал у нашего подъезда заколотили ещё в семьдесят девятом, после прорыва канализации. В соседних подъездах остались технические помещения, соединённые низкими проходами. Под шахтой лифта должен был находиться приямок глубиной около человеческого роста. Для жилого этажа там не было места. Валентин Петрович показал мне отметку на чертеже и сказал, что сам менял там упоры десять лет назад.

- Но коридор есть.

- Я знаю.

Он снял очки и положил на план. Марат стоял у плиты и смотрел на деда так, как я смотрела на маму, когда та обещала объяснить что-нибудь потом. Валентин Петрович отвернул рукав. На внутренней стороне предплечья тянулся бледный прямоугольник с мелким рисунком. Я сначала решила, что это след ожога. Потом узнала узор обоев, которые видела в нижнем коридоре.

- В семьдесят девятом меня вниз увело. Кабина остановилась, я решил, контактор. Вышел. Там квартира моей матери. Она тогда уже три года как умерла. Суп варится, радио, её халат на гвоздике. Я стоял в дверях, не заходил. Она сказала, пальто сними, поешь. За рукав взяла, потянула. Я обратно в кабину. Потом кожа сходила месяц.

Марат подошёл ближе. Дед закатал рукав ещё раз и провёл

пальцем по рисунку. Он объяснил, что вернулся через аварийный люк в потолке. Про электричество тогда не думал, действовал по привычке механика. Наверху кабины оказалось темно, пахло машинным маслом. Внизу за открытым люком всё ещё горел свет чужой кухни.

- С тех пор оно без меня обходилось, - сказал Валентин Петрович. - Я думал, если не ездить, отстанет. Потом Дашка сунулась.

Он поставил банку с ключом на холодный подоконник. Через стекло было видно, как бумажная бирка медленно разбухает. Марат спросил, можно ли выбросить ключ. Дед покачал головой. Привезённые снизу вещи возвращались. Соседи выбрасывали их, разбивали, топили в ванне, а потом снова находили у двери. Каждый раз в квартире пропадало ещё что-нибудь своё.

- Его надо отдать там, где взяла, - сказал он мне. - И того, кто дал, в квартиру не впускай. Ни с какими просьбами.

Глава 6

Подвальная дверь

Вечером Валентин Петрович повёл нас во двор. Он взял фонарь и лом, но к кирпичной перемычке подходить не стал. Мы обошли дом, заглянули под низкий навес соседнего подъезда. Там сохранилась железная дверь с вентиляционной решёткой. Возле неё пахло сыростью, кошачьим кормом и старым цементом. Марат достал из кармана ключи деда, нашёл нужный с первого раза. Видимо, ходил сюда часто.

По ступенькам мы спустились в подвал. Над головой тянулись трубы, на полу лежали доски, которыми жильцы обходили лужи. Свет из фонаря выхватывал номера, написанные на кранах белой краской. Валентин Петрович показал стену нашего подъезда. За ней находился приямок лифта, ниже ничего не было. Он даже измерил высоту от пола до потолка, поставив карандашную отметку на кирпиче.

- Здесь вверх места мало, - сказал он. - Ступенек пять, и уже первый этаж. Сам видишь.

Он обращался к Марату, но смотрел на меня. Я поняла, что ему тоже нужно было ещё раз увидеть обычный подвал. Мы ходили вдоль стен, искали щель или люк, через который можно заглянуть под шахту. Кладка была старая, плотная. На одном кирпиче сохранился отпечаток маленькой со-

бачьей лапы. Марат сказал, что знает его с детства. Я провела по следу пальцем, и к ногтю прилип сухой песок.

Дальше за стеной зашипело радио. Валентин Петрович остановился, погасил фонарь. Мы стояли в темноте, пока глаза привыкали к узкой полоске света от двери. Из глубины подвала донеслось, как ставят на плиту кастрюлю. Потом женщина окликнула мужа и велела подойти к столу, пока еда не остыла.

Марат протянул ладонь к кирпичам. Я видела только его рукав. Он тут же отдёрнул руку. Стена нагрелась так, что к ней нельзя было прикасаться. Валентин Петрович зажёг фонарь. На кирпичах проступили светлые прямоугольники, похожие на кафель над кухонной раковиной. Между ними потекла вода. Я услышала, как с другой стороны кто-то тоже приложил к стене ладонь.

Дед отступил и велел нам идти к выходу. Я шла первой, стараясь не касаться труб. За спиной щёлкнул выключатель. На стене возник тёплый квадрат, в нём обозначились край стола и спинка стула. Я видела их боковым зрением. Казалось, достаточно повернуть голову, и дальше откроется целая кухня.

Марат догнал меня на ступенях. У него на ладони выступили мелкие красные точки. Он сунул руку под кран во дворе, долго держал в ледяной воде. Валентин Петрович закрыл подвал, дёрнул дверь и сунул ключ в карман. Потом прислонил к двери щепку: хотел понять, откроет ли её кто-нибудь

ночью.

На лавочке сидела пожилая соседка с собакой. Она всё это время следила за нами, но заговорила только сейчас. Спросила, опять ли в подвале готовят. Валентин Петрович ответил, что проверяли трубы. Женщина кивнула и стала застёгивать поводок. Уже уходя, сказала, что запах появился летом. По вечерам собака упиралась, не хотела проходить мимо. Теперь нюхает дверь и скребётся, как к своим.

Мы вернулись на седьмой пешком. У дверей лифта было тепло. Марат приложил холодную ладонь к стене, посмотрел на деда и убрал. Я поняла, что цифры на плане пока ничего нам не объясняли. Между четырьмя настоящими стенами нашлось место, в котором кто-то жил, готовил обед и ждал приглашения наверх.

Глава 7

Остановка на седьмом

Во вторник после уроков я застала лифт открытым. На двери по-прежнему висела бумага о ремонте, внутри горел свет. Я остановилась на первом этаже и прислушалась. Мотор не работал. Из кабины тянуло тёплым воздухом, в котором чувствовался запах тушёной капусты. На стене возле кнопок кто-то приклеил маленький бумажный цветок.

Я пошла по лестнице. На третьем услышала, как внизу закрылась дверь. На четвёртом кабина оказалась рядом со мной, хотя гудения я не слышала. Двери разошлись. Внутри стояла Зинаида Павловна с хозяйственной сумкой. На седых волосах у неё был повязан шёлковый платок. Женщина улыбнулась и сказала, что хорошо, когда лифт наконец починили.

Я вцепилась в перила. Зинаида Павловна придержала двери сумкой.

- Тебе на седьмой, я помню. Подвезу.

- Пешком дойду.

Я поднялась ещё на пролёт, а она осталась в кабине. На пятом лифт снова оказался рядом. Двери раскрылись раньше, чем я подошла. Зинаида Павловна не выходила. На этот раз она сказала, что маме будет тяжело нести картошку. Ма-

ма утром собиралась купить картошку у метро, я слышала, как она считала мелочь.

На шестом я побежала. На седьмом лифт ждал открытым. Женщина стояла у порога, на половом резиновом коврике. Один ботинок уже касался нашей площадки. На стене за ней шелушилась краска. Там, где подошва давила на пол, линолеум начал темнеть и подниматься пузырём.

- У вас вода бежит, - сказала она. - Я снизу вижу. Впусти посмотреть, а то зальёт.

Я отступила к двадцать восьмой и нажала звонок. Внутри долго не открывали. Женщина подняла сумку, показывая, что руки у неё заняты, и спросила, не помочь ли мне с ключом. Я звонила, не снимая пальца. Из-за двери наконец донёсся голос Марата.

- Кто там?

- Я. Лена. Не открывай сразу. Посмотри в глазок.

Он посмотрел. Дверь распахнулась, Марат втянул меня внутрь и тут же задвинул засов. Его дед был на работе, мать тоже. Мы стояли в коридоре, не снимая обуви. Марат выглянул в глазок ещё раз. Сказал, что на площадке никого нет. Лифт закрыт, на полу сухо.

Валентин Петрович вернулся через час. Мы рассказали про остановки. Он сходил в машинное помещение, вернулся с пломбой, перекушенной пополам, и объяснил, что рубильник никто не включал. Кабина всё это время стояла на седьмом этаже. Внизу за её дверями должен был быть пустой

пролёт шахты. Валентин Петрович сам запер нижнюю дверь специальным замком, когда отключал машину.

- Я с первого мимо неё поднималась, - сказала я. - Она рядом шла.

- Я верю.

Он попросил описать, где стояла женщина. Я показала на порог. Валентин Петрович посмотрел на Марата, потом на меня и произнёс:

- Через порог она сама не перешагнула. Ей нужно, чтобы кто-нибудь позвал. На настоящую площадку ей не выйти, пока не позовут.

Марат принёс рулетку и измерил расстояние от своей двери до лифта. Потом попросил меня встать на то место, где стояла Зинаида Павловна. Оттуда до нашей квартиры оставалось меньше двух шагов. Женщина могла протянуть руку и коснуться дверной ручки, но ждала моего разрешения.

Глава 8

Чужой дом

Мама увидела банку с ключом и долго молчала. Я поставила её на стол вместе с запиской Валентина Петровича: «Вечером зайду. С лифтом неисправность, пока не пользоваться». Мама прочитала, присела на табуретку и попросила меня больше не занимать соседей выдумками. На работе у неё опять сдвинули смену, в новой школе я успела пропустить контрольную из-за обмена учебниками. Теперь ещё банка на столе и истории о подвале.

Я показала кресло. Подлокотник провалился, из него торчали голые пружины. Мама посмотрела на них, взяла красный лоскут и приложила к дыре. Он оказался шире, чем раньше. Ткань закрыла пустое место целиком. По краям сами собой выступили мелкие стежки. Я стояла рядом и видела, как они ложатся один за другим, хотя мама не держала иголки.

Она выронила лоскут. Отступила к кухне и несколько раз вытерла ладони о юбку. Я впервые за все дни переезда увидела, что она испугалась по-настоящему. Мы сели на диван, поджав ноги, и ждали Валентина Петровича. Кресло стояло перед нами. Пружины под тканью двигались, едва заметно, как дыхание спящего человека.

Мама сказала, что на работе ей звонили. Женщина представилась соседкой снизу, жаловалась на воду. Назвала её по имени и отчеству, знала номер квартиры. Мама решила, что дала телефон в ЖЭКе, и обещала вечером пустить посмотреть трубы. В разговоре даже извинилась: мы только переехали, ещё не разобрались с кранами.

- Она приходила? - спросила я.

- Нет пока.

В коридоре заскрипела половица. Я хотела встать, мама удержала меня за колено. Из кухни донёсся звон чашек. Мы сидели неподвижно. За стеной, возле раковины, кто-то включил воду, потом выключил. На кухонном столе зашуршала бумага, и я поняла, что гостья перебирает мамины выкройки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.